

ВАЖНЫЕ
ВЕЩИ
ДИАЛОГИ
О ЛЮБВИ
УСПЕХЕ
СВОБОДЕ

ДАРЬЯ ЗЛАТОПОЛЬСКАЯ

ВАЖНЫЕ
ВЕЩИ
ДИАЛОГИ
О ЛЮБВИ
УСПЕХЕ
СВОБОДЕ

МОСКВА
2019

УДК 070
ББК 76.032
3-67

Литературный редактор *Алексенко Алексей*

Златопольская, Дарья Эриковна.

3-67 Важные вещи. Диалоги о любви, успехе, свободе / Дарья Златопольская. — Москва : Эксмо, 2019. — 176 с.

ISBN 978-5-04-106658-1

В данном издании вниманию читателей предлагаются четыре главы книги Дарьи Златопольской «ВАЖНЫЕ ВЕЩИ. ДИАЛОГИ О ЛЮБВИ, СВОБОДЕ, УСПЕХЕ». Главы «СВОБОДА», «СОВЕСТЬ», «ЛЮБОВЬ», «ВЕРА» являются фрагментом книги, основанной на интервью автора с выдающимися деятелями культуры и общественной жизни в программе «Белая студия». В полном издании книги их мысли, рассуждения и прозрения собраны в десять глав, темы которых важны для каждого.

**УДК 070
ББК 76.032**

ISBN 978-5-04-106658-1

© Златопольская Д., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

1	ВЕРА.	7
2	СОВЕСТЬ	37
3	ЛЮБОВЬ	83
4	СВОБОДА	125

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ (р. 1944)
кинорежиссер и сценарист

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР (р. 1934)
журналист и телеведущий

КОНСТАНТИН БОГОМОЛОВ (р. 1975)
театральный режиссер

МИХАИЛ ЕФРЕМОВ (р. 1963)
актер театра и кино

ВЯЧЕСЛАВ БУТУСОВ (р. 1961)
рок-музыкант, лидер группы «Наутилус Помпилиус»

АЛЕКСАНДР ФИЛИППЕНКО (р. 1944)
актер театра и кино

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ (р. 1937)
кинорежиссер и сценарист

АНДРЕЙ ЗВЯГИНЦЕВ (р. 1964)
кинорежиссер и сценарист

КОНСТАНТИН ЛАВРОНЕНКО (р. 1961)
актер театра и кино

ПЕТР МАМОНОВ (р. 1951)
рок-музыкант и киноактер, лидер группы «Звуки Му»

1

BEPA

ВЕРА ГОВОРИТЬ О ВЕРЕ НЕПРОСТО: НАЗЫВАЯ СОКРОВЕННОЕ СЛОВАМИ, ЧЕЛОВЕК РИСКУЕТ ПРЕДАТЬ ЧТО-ТО ВАЖНОЕ ВНУТРИ СЕБЯ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВСЯКИЙ РАЗГОВОР О ВАЖНЫХ ВЕЩАХ ТАК ИЛИ ИНАЧЕ ЗАТРАГИВАЕТ ЭТУ ТЕМУ.

Вера может облекаться в разные идеи — от явного признания бытия Бога и вечной жизни до смутного ощущения, что, как выразился один из собеседников, «наше путешествие имеет смысл». Разнообразием веры было и стремление советских людей создать царство добра и справедливости на земле. Коммунизм был близок к христианству в том, чтобы отдать всего себя без остатка служению высшей правде: не случайно Жан-Поль Сартр назвал Николая Островского «коммунистическим Иисусом Христом».

Вынесение смысла за пределы собственного «Я» освобождает. Вера, если она истинная, а не лицемерная, избавляет человека от того, что мешает ему быть счастливым. Человек боится, что он умрет, заболит, потеряет деньги, будет выглядеть глупо, что жизнь его окажется нелепой и бессмысленной. Этот страх — прямое производное гордыни: мир вращается вокруг меня, и не может быть никак иначе!

Вера позволяет взглянуть на жизнь извне, как на Землю из космоса. Увидев, понять, насколько она больше твоего приусадебного участка, и воскликнуть, как Гагарин: «Какая она красивая!»

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ: МОЖЖЕВЕЛОВЫЕ ШИШКИ

Д. З. Ваша любимая детская книга — «Золотой ключик». С кем из персонажей вы тогда себя ассоциировали?

С. С. Мне скорее нравилось в них то, что они все вместе. И в «Буратино», и в жизни мне интересен коллективный образ. Очень важно на самом деле понять, куда и по какому поводу мы попали. Чем дальше живешь, тем меньше понимаешь зачем. Что все это означает, есть ли в этом какой-нибудь смысл?

А какие-нибудь наметки со временем появляются?

Наоборот, разрушаются. Наметки были в самом начале, и довольно много. Но чем дальше в лес, тем более расплывчатыми они становятся, как у Норштейна в его мультфильме «Ежик в тумане». Туманный лес. Что это, к чему это? Не знаю. Но как в «Ежике в тумане» — это прекрасно. Ничего не ясно, но прекрасно.

«ЕЖИК В ТУМАНЕ»

Мультпликационный фильм Юрия Норштейна (1975), по результатам опроса кинокритиков и мультипликаторов в 2013 году признанный лучшим мультфильмом всех времен и народов. В основе сюжета — рассказ писателя Сергея Козлова (1939–2010), который и написал сценарий. Одиннадцатиминутный фильм о том, как ежик пошел в гости к своему другу-медвежонку, но заблудился в тумане, стал удивительной метафорой таинственности, трагичности и доброты мироздания, где, даже если ты в тумане упадешь в реку, «кто-то беззвучный» непременно поможет тебе выбраться.

Если кто-то ждет тебя с можжевеловыми шишками, то есть куда идти. Когда ты в тумане, важно знать, что где-то есть можжевеловые шишки. Важно понимать, куда ты идешь и есть ли там что-то.

Не могу сказать, что я это понимаю. Но теоретически идея о том, что где-то там есть какие-то можжевеловые шишки, до сих пор меня не покидает.

А что для вас эти можжевеловые шишки?

Многое. В искусстве масса можжевеловых шишек. Юрий Башмет играет что-нибудь, и чувствуешь. Ведь это вообще галиматья, когда подумаешь, чем занимается Юрий Абрамович или композитор Гия Канчели! Это же сотрясение воздуха!

В «Золотом ключике» есть образ кукольного театра за нарисованным очагом. Это важный символ: то, к чему стремился, всегда было рядом. Все, о чем мы мечтаем, в нас уже заложено.

Я-то, в принципе, человек не мечтательный. Те случаи, которые мы с вами благородно называем «мечтой», — они ведь неизвестно чем заканчиваются. Может быть, там те самые можжевеловые шишки спрятаны. А значит, есть за что бороться. Главное — не формулировать это так, что я сейчас мечту осуществляю. Надо тихо жить дальше в понимании того, что можжевеловые шишки там есть.

Вся история — в путешествии. Сильно перевалив за половину путешествия, я всегда упираюсь в то, что не понимаю, с какой целью оно предпринято. Кроме разве что интереса самого путешествия как такового. А какая цель? Но вы мне открыли: может быть, это можжевеловые шишки. Ну хорошо, будем развивать эту уверенность в себе.

Вы говорили о том, каким важным для вас оказался в свое время фильм «Летят журавли».

Это медиумный магический язык, который несет в себе больше, чем все наши размышления. Я посмотрел этот фильм, когда мне было 13 лет. Что мне было в этой истории девушки, не дождавшейся любимого с войны? Я тогда прогуливал школу, у меня были совершенно другие цели и задачи. Но я помню, что, когда выходил из кино, меня шатало. Меня поразила некая магия, которую я не могу объяснить. Было ошале-

ние от магии искусства. И когда я, допустим, смотрел фильмы Антониони, я всегда ощущал, что участвую в каком-то спиритическом сеансе. Я помню детали и подробности, которые не обозначают ничего. Настоящее искусство заключается в том, что оно никак ни к чему не применимо.

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать, как выразился Гумилев.

Да-да. Что это было?! Но было что-то такое, что эти секунды я ни на что не променяю. Почему? Я не знаю. Для того, чтобы я почувствовал, что путешествие имеет какой-то смысл. Которого нам не расскажут.

Это как маяк. Он вам ничего не расскажет. В нем нет никакого смысла, кроме того, что он светит. И когда ты в пути, ты видишь где-то там свет.

Да, кто-то тебе мигает. А по какому поводу — неизвестно.

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР: МОЖЕТ, МЫ И ВСТРЕТИМСЯ

Д. З. Когда вы работали в пропаганде, вы верили в то, что говорили?

В. П. Вначале — да. Я был воспитан моим отцом с определенным отношением к Советскому Союзу, к советскому социализму. Я долго в это верил. Несмотря на все проблемы, я себе говорил: «Да, но... Все не так, как хотелось бы, но тем не менее...» Я находил оправдания. Знаете, как мы всегда оправдываем тех, кого любим. Например, своих детей: плохо себя повел, но все-таки есть оправдание. Пожалуй, для меня самое тяжелое — это 1968 год. Прага и все,

что происходило потом. Но все равно я находил оправдания. Хотя становилось все тяжелее и тяжелее. И вот наступил такой момент в моей тогдашней пропагандистской работе, когда, по сути, я уже не верил.

Вы уже не могли оправдать, но продолжали это делать?

Да. Я делал то, что надо было делать. В конце концов я, конечно, перестал, но это тянулось долго. Очень трудно было расстаться с верой. Очень болезненно было признаться себе в том, что на мне грех — не в религиозном смысле. И каким-то образом это надо, что ли, смыть с себя. Наверное, это мне очень помогло в том, как я живу.

Когда я читала вашу книгу, меня поразило, что в ней присутствует огромная потребность раскаяться в грехах, рассказать о них и не забыть ни об одном. Почему?

Так я устроен. Знаете, мой друг Фил Донахью — неверующий, но вообще-то он ирландский католик. И когда он узнал, что я тоже крещеный католик, и не где-нибудь крещенный, а в соборе Парижской Богородицы, — а папа мой еврей, — он сказал: «У тебя всегда будет чувство греха. Это такое сочетание, ты никуда не денешься». Видимо, это сыграло роль.

Что это — чувство греха, чувство вины?

Не знаю... Вы понимаете, конечно, что я атеист. Но я не просто атеист, я идейный противник церкви. А бывает так, что когда ты занимаешь крайнюю позицию по отношению к чему-то, то в этой крайней позиции начинают проявляться те вещи, которые ты как раз отвергаешь.

Конечно.

В вере чувство вины и чувство греха обязательно присутствуют. Ты рождаешься греховным и умираешь

во грехе, если уж по Библии, которую я довольно прилично знаю. Но, вот видите, может быть и так.

Каждый за всё и перед всеми виноват, как абсолютно точно сформулировал Достоевский словами Алеши Карамазова.

Это так и есть.

Очень интересно то, что вы сейчас сказали о крайней позиции. А вы давно осознали, что зашли уже так далеко, что приблизились к противоположности?

Давно. Я думаю, если бы все было наоборот, я был бы какой-нибудь Савонарола.

А какая у вас претензия, или, точнее, какой у вас главный вопрос к религии? Это отсутствие сомнений?

Да, конечно.

Получается, что у них отсутствуют сомнения в том, что Бог есть. А у вас отсутствие сомнений в том, что Бога нет.

Я не верю, что он есть. Вот моя точка зрения. Я считаю, что его нет. А что касается религии как философии определенной веры — так ведь она разная. У иудеев она одна, у христиан другая, у мусульман третья, у буддистов четвертая. И, собственно говоря, у каждого свой Бог. Я абсолютно не верю в того Бога, которого мне предлагают и христиане, и иудеи, и мусульмане.

Интереснее все-таки понять, у вас есть свой собственный Бог?

Нет, у меня нет никакого Бога. Я верю в то, что, когда моя жизнь кончится, она кончится. Никакой души у меня нет. Я останусь, может быть, в памяти каких-то людей. Никакого ада, никакого рая. Вот в этом я абсолютно убежден. Я все-таки кончил биолого-почвенный факультет. Я естествоиспытатель.

Как известно, естествоиспытатель Иван Павлов был верующим человеком.

Может быть, у него был какой-то свой Бог, но наверняка Павлов не верил в то, что Бог все создал.

И Эйнштейн...

У него было свое представление, нечто такое, которое можно назвать Богом. Но это уже не Бог в обычном представлении. Если мы говорим о Боге в религиозном смысле, этого для меня нет. Если говорить о Боге в философском понимании, как у Эйнштейна, назовите это мирозданием или высшим законом — это, может быть, совсем другое. Но когда я говорю, что я атеист, это надо понимать именно так.

В связи с вашим атеизмом я вспомнила потрясающую историю — как вы в первый раз встретились с Джокондой.

Да, лично встретились. Понимаете, я видел сотни репродукций. В какой-то момент я стал задаваться вопросом: а что в ней особенного? Все говорят: Леонардо да Винчи, Леонардо да Винчи! Это все снобизм, это кто-то сказал, и теперь все повторяют.

Я очень долго был невыездным — 34 года. И когда меня впервые выпустили за границу и я попал в Лувр, то сам себе сказал: «Я должен пойти посмотреть на нее». Подойти к картине было невозможно, было очень много туристов. Потом, наконец, они все рассосались, и я ее увидел. Я даже заплакал, потому что обрадовался: это все на самом-то деле. По-настоящему. И все, что я перед этим думал, — чепуха.

Я к чему? Мы часто судим не по оригиналу. О чем бы то ни было: о стране, о людях. Оригинал нам не известен, но зато мы видели много копий. И мы делаем преждевременные выводы.

Знаете, что мне больше всего понравилось в этой истории? Вы не верили в эту Джоконду.